

Кровавый Глаз, зависший в небе над Школой, неожиданно раскололся посередине, превратившись в гигантское зеркало. Поверхность этого зеркала была красной от крови. По одну сторону зеркала располагался Кроваво-Красный Мир за Дверью, а по другую сторону виднелся студенческий кампус, созданный Художником.

«Художник использовал воспоминания учеников для создания своей собственной Школы, а потому вполне естественно, что повреждения, которое получит Школьное Сознание, скажутся и на ней».

Чэнь Гэ поднял голову вверх, чтобы хорошенько рассмотреть гигантское зеркало в небе.

В этот момент он увидел девушку, сидящую на крыше здания лаборатории, которая тоже любопытством глядела на происходящее.

- Чан Вэньюй?

Её имя всплыло в памяти Чэнь Гэ мгновенно, как по наитию.

Вживую она полностью отличалась от того представления, которое имел о ней Чэнь Гэ. В фильмах Чан Гу Чан Вэньюй обычно изображалась милой, тихой и застенчивой девушкой, именно такой, какой Чан Гу всегда и видел свою сестру. Но, как оказалось, старший брат на самом деле не очень хорошо знал свою сестру, и из-за этого первоначальное впечатление Чэнь Гэ о ней тоже было ошибочным.

Настоящая же Чан Вэньюй была жестокой и нелюдистой. Когда-то ей выкололи левый глаз, и теперь на его месте осталась лишь зияющая чёрная дыра. А оставшийся целым правый глаз сверкал безумным огнём. Чэнь Гэ знал, что девушка, которую он увидел на крыше, была абсолютно сумасшедшей, такая не остановится ни перед чем, лишь бы достигнуть своей цели. Ни мораль, ни совесть, ни какие-либо другие человеческие законы не могли ограничить подобную жажду разрушения. Даже ей самой едва удавалось себя контролировать.

В сравнении с нею Художник представлял собой другую крайность - он был тих, как смерть. За всё то время, что они провели на крыше он не проронил ни слова. Несмотря на то, что полотно, над которым он так тщательно и долго работал, было порвано, даже когда кампусы, которые он строил в течение стольких лет, на его глазах начали разрушаться, и даже само Сознание Школы оказалось серьёзно повреждено, выражение его холодного лица не изменилось ни на йоту. Художник и Чан Вэньюй во всём были полными противоположностями друг друга.

В самый напряжённый момент, когда Школа вот-вот должна была столкнуться с атакой Красного Города, один из этих двух специфических людей сидел, тупо уставившись в свой холст, как будто силясь припомнить всё, что когда-либо было написано на нём, а вторая продолжала беззаботно сидеть на краю здания и болтать ногами, глядя в небо, словно любуясь хаосом, происходящим внизу. И этих-то двоих Школа хотела видеть в качестве нового Толкателя?

«Двое сумасшедших».

Взгляд Чэнь Гэ переместился с девушки на парня. Теперь он мог сказать наверняка, что Художник и Фань Юй как-то связаны между собой. Они оба обладали одинаковыми чертами лица, но разным телосложением. Фань Юй постоянно держал голову опущенной и слегка сутулился, скорее всего, из-за того, что он был слишком не уверен в себе, в то время как Художник выглядел со стороны более благополучным и уверенным в себе.

«Я уже встречал Фань Юя за Дверью и даже провёл вместе с ним некоторое время. Я действительно не ожидал, что мне доведётся встретить и его альтер-эго тоже, да ещё и при подобных обстоятельствах».

Чэнь Гэ обнаружил, что не в силах оторвать глаз от Художника. Как тревожный сигнал, в голове его звенел вопрос - как за Дверью мог существовать Фан Юй-Художник, в то время как настоящий Фань Юй в реальном мире был всё ещё жив. У них были разные характеры, да и их способности к рисованию сильно различались между собой.

- Это действительно тот самый ребёнок.

Старый директор тоже узнал Фань Юя. Но помимо удивления, в его голосе также слышалась и вина.

- Вы уверены, что тот инцидент с издевательствами над Фань Юем, не имеет к вам никакого отношения?

Чэнь Гэ взял старого директора за плечи и заглянул ему в глаза.

- В то время я был директором средней школы Му Ян. И всё, что тогда происходило в Школе, так или иначе меня касалось. Поэтому, конечно же, если над ним издевались, то в этом есть и моя вина.

Он не понимал, что именно от него хочет услышать Чэнь Гэ.

- Нет. Я имею в виду, не сделали ли вы что-нибудь сами - прямо или косвенно, чтобы как-то навредить ему? Например, вы могли быть слишком заняты, чтобы выслушать его, когда он обратился к вам за помощью напрямую...

- Если бы он лично обратился ко мне, то этой трагедии бы не произошло, уверяю тебя.

Тёплый взгляд директора остановился на Фань Юе:

- Всё-таки он был таким славным мальчиком...

- Хорошо. Поскольку вы напрямую не имеете никакого отношения к издевательствам над ним, то на нашем плане это никак не отразится.

Взгляд Чэнь Гэ был твёрдым и уверенным, когда он посмотрел на старого директора:

- Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вы стали следующим директором Школы Загробной Жизни, и постараюсь передать вам контроль над Школьным Сознанием. Вы ведь и сами видите, насколько опасна сложившаяся ситуация. Никто из нынешних кандидатов на должность Толкателя не способен принести спасение и освобождение ученикам этой Школы, лишь вы один можете это сделать.

- Боюсь, ты переоцениваешь мои способности. У каждого ребёнка, запертого здесь, своя собственная уникальная история, и будет нелегко спасти их всех.

- По крайней мере, вы сможете направить их на путь истинный и уберечь от дальнейших страданий, - серьёзно ответил ему Чэнь Гэ. - Нет никого более подходящего на эту должность, чем вы. И, если вам так будет проще, то просто считайте это место новой Средней Школой Му Ян.

- Хорошо, я ничего не обещаю, но постараюсь.

На лице старого директора застыла горькая печальная улыбка. Он был всего лишь Наполовину Красным Призраком. А его соперниками были Большие Красные Призраки. Исход такой битвы со стороны мог показаться очевидным.

- В художественной мастерской висит тринадцать картин. Они символизируют тринадцать человек, имеющих право стать Толкателем Двери. Но не всех из них нужно брать в расчёт. Единственные, на кого мы должны обращать внимание, так это на Художника и Чан Вэньюй.

План Чэнь Гэ начал осуществляться в тот миг, когда он только проник в Школу Загробной Жизни, и теперь он уже достиг своего апогея.

- Что мы будем делать дальше? - нервно спросил старый директор.

- Мы отыщем безопасное место, где сможем спрятаться на некоторое время. Раз уж Чан Вэньюй осмелилась напасть на Сознание Школы, велика вероятность того, что она заключила сделку с одним из Монстров извне. И в тот момент, когда вся Школа погрузится в хаос, мы должны каким-то образом сохранить те силы, что нам удалось заполучить.

Чэнь Гэ велел ученикам, следующим за ним, держаться вместе. Затем они сообща двинулись вдоль по коридору в поисках безопасного укрытия.

Кровавый туман ворвался в Школу. Зеркало всё ещё защищало Школу от вторжения извне. Оно изо всех сил старалось не допустить, чтобы Монстры снаружи проникли в её пределы. Однако само Зеркало было всего лишь тенью многочисленных Сознаний учеников Школы. Как только боевой дух последних окажется сломлен, Монстры сразу же проникнут в Школу.

В Зеркале отражались два кампуса Школы Художника. По мере того, как всё большее количество учеников возвращало свои утраченные воспоминания, негативных эмоций также становилось больше. Наконец, на стене между западным и восточным кампусами появились кровавые отпечатки ладоней, а затем стали происходить и другие странные вещи.

- Таков их реальный вид. За каждым кратким прекрасным воспоминанием стоят бесконечная боль и отчаяние. Судьба так справедлива, и так жестока...

Чан Вэньюй сидела на краю стены, болтая ногами и искренне наслаждаясь происходящим.

- Судьба? - Художник медленно поднял голову. - А ты знаешь, какого цвета судьба?

- Не знаю, наверное, красного? Мне нравится красный.

Чан Вэньюй обернулась и взглянула в лицо Художнику. По тому, как мирно они беседовали, тот, кто не знал всей подоплёки, мог бы предположить, что они друзья.

- Судьба белого цвета. Она, как холст, с покорностью примет любой цвет, который ты решишь на неё нанести.

Голос Художника, несмотря на её провокации, оставался спокойным.

- И вот именно поэтому ты решил позаимствовать силу у Школьного Сознания, чтобы изменить воспоминания всех учеников? Чтобы они смогли сохранить в памяти лишь то единственное хорошее, что было в их жизнях? Но откуда тебе знать, что эта судьба то, чего они сами

желали? Кто дал тебе право решать, что ценно, а что нет?

Было похоже, что в прошлом Чан Вэньюй и сама стала жертвой изменения памяти со стороны Художника. И это и послужило в дальнейшем одной из главных причин существующих разногласий между ними.

- Не думай, что таким образом ты станешь тем, кого больше всех одобряет Школьное Сознание! Даже если это и так, это всё ещё не делает тебя богом!

Столкнувшись со словесной атакой со стороны Чан Вэньюй, Художник не стал ничего отрицать. Он просто подобрал с земли свой разорванный надвое холст.

- В Море За Дверью нет бога. Даже если он и есть, то это просто дьявол, решивший раз в кои-то веки проявить доброту!

Когда он сказал последнее слово, от холста поплыл ужасный смрад.

<http://tl.rulate.ru/book/18947/2715455>